

Олег Мастерских

Роман о первой... Дневники

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Олег Мастерских

Роман о первой… Дневники

«Автор»
2025

Мастерских О.

Роман о первой… Дневники / О. Мастерских — «Автор», 2025

«Дневники» — продолжение саги «Роман о первой… Дебют». Главный герой, двадцатитрехлетний парень, демобилизовался из армии и попадает в бурные 90-е, уже не являясь тем наивным юношей, каким был прежде.Разрываясь между стремлениями и порывами, поддаваясь чужому влиянию и одновременно защищая собственные взгляды, Казанова познает жизнь через опыт взлетов и падений.Пожалуй, ключевым аспектом является абсолютная откровенность героя. Он готов поделиться с читателями страницами своего дневника.

© Мастерских О., 2025
© Автор, 2025

Олег Мастерских
Роман о первой… Дневники

Глава 1.

У дневника множество ликов и судеб.

Он – словно волшебное зеркало, день за днем кропотливо копирующее отражение пишущего, бережно храня события и даря упоительную возможность вернуться в прошлое, вновь пережить мгновения. Погружаясь в лабиринт собственных мыслей, мы словно раздваиваемся, обретая зоркий взгляд со стороны. И в этом трепетном зазоре, между реальным "я" и призрачным отражением на страницах, зарождается нечто большее – глубина понимания, кристальная ясность чувств, обостренное восприятие мира. Дневник становится не просто молчаливым хранителем тайн, но и искусным алхимиком души.

Каждый личный дневник – осколок времени, запечатленный неповторимым росчерком пера, уникальный слепок ускользающей эпохи. Мне чудится приоткрытая дверь в иные миры: детский восторг от наивных мечтаний юного отпрыска обедневшего дворянского рода, нашедшего верного друга в пожелтевших страницах, в отчаянной попытке скрасить унылое заточение в далеком от лицейской вольницы родовом поместье; задушевные откровения свидетелей Ренессанса или лаконичные заметки новгородского купца XVIII века! Может показаться, что сегодня таких свидетельств предостаточно, что все они сливаются в безликую массу. Но кто знает, как преобразится мир завтра? Отражения истории, неповторимые в своей искренности, а потому – бесценные.

Память – это зыбкий мост, соединяющий поколения, дарующий возможность прикоснуться к сокровенной внутренней вселенной, к истокам нашего нынешнего "я".

Я всматриваюсь в это зеркало и вижу в своем лице печать прожитых лет, отблески принятых решений, отзвуки встреч и расставаний, эхо свершенного выбора. Мой дневник – ах, как же я пренебрегал тобой! Сколько значимых событий, ярких эмоций, судьбоносных решений канули в Лету, так и не удостоившись хотя бы беглого упоминания. И как пригодились бы сегодня эти строки, чтобы наладить хрупкий внутренний диалог, унять гнетущую тревогу, обрести столь желанное понимание и умиротворение.

Дневник позволяет разложить все по полочкам, увидеть себя отстраненно, оценить и отфильтровать бушующие переживания; он учит беспощадной честности с самим собой, в противовес наглой лжи, культивируемой социальными сетями и навязчиво проецируемыми извне нарративами. Он, как ни парадоксально, вдохновляет на действие. Мысли, облеченные в живое слово, обретают силу, превращаются в мощный импульс к созидательным переменам.

Ведите дневники сами, вдохновляйте на это своих детей. Они станут вашими верными спутниками в настоящем, а когда "зима тревоги нашей" отступит (а час этот, несомненно, пробьет), превратятся в бесценный документ эпохи, проникновенную летопись вашей бессмертной души.

Понимаю, что отпущенный мне срок тает быстрее, чем уже прожитый. Ощущаю себя ребенком, получившим в подарок сладости: он с радостью поглощает их, но, заметив, что запас подходит к концу, начинает наслаждаться каждым кусочком с особым чувством.

У меня нет желания тратить время на бесполезные разговоры о законах общества – все равно ничего не изменится. Не хочу вступать в споры с недалекими людьми, ведущими себя неразумно. Нет сил на борьбу с посредственностью. Я избегаю собраний, где тешат самолюбие, и не выношу тех, кто пытается манипулировать. У меня слишком мало времени, чтобы обсуждать пустые темы – моя душа стремится к большему.

Мне близки люди, в которых есть человечность. Те, кто отстаивает достоинство и стремится к правде, справедливости, честности. Это то, что придает смысл жизни. Я хочу видеть рядом тех, кто умеет затронуть сердца других, кто, несмотря на жизненные трудности, сумел сохранить доброту.

Да, я тороплюсь, я живу с той полнотой, которую дарит только зрелость. Я использую все возможности, которые у меня остались – они будут ценнее, чем то, что уже было. Моя цель – пройти свой путь в согласии с собой, своими близкими и своей совестью.

Я полагал, что у меня в запасе две жизни, но оказалось, что она всего одна…

И чем ближе горизонт, тем ярче отблески заката. Каждая прожитая минута – драгоценный камень, отшлифованный опытом и озаренный мудростью. Я больше не ищу одобрения в чужих глазах, не стремлюсь соответствовать навязанным идеалам. Важно лишь то, что отзывается эхом в моей душе, что наполняет ее светом и теплом.

Я учусь видеть красоту в простых вещах: в шепоте ветра, в пении птиц, в улыбке случайного прохожего. Эти мгновения – как искры, разжигающие пламя благодарности за возможность просто быть, дышать, чувствовать.

Ошибки прошлого больше не гнетут меня. Они – лишь ступени, ведущие к пониманию себя и окружающего мира. Я принимаю их как неизбежную часть пути, как уроки, которые помогли мне стать тем, кто я есть сейчас.

И хотя время неумолимо, я не испытываю страха. Я смотрю в будущее с надеждой и предвкушением, зная, что каждый новый день – это шанс оставить свой след в этом мире, подарить тепло тем, кто в нем нуждается, и просто быть человеком.

Ведь в конечном итоге важна не продолжительность жизни, а ее глубина.

***

– Ты погляди на этих бульбашей, все как один родились на картофельном поле, а в баланде, сколько ложкой не води, ни намёка на паслёновые. Помню, в «Праге», что на Арбате, соляночкой меня потчевали…

Неровные, бугристые стены, тёмные от влаги и плесени. На каменном полу камеры – чёткий контур прямоугольника окна, спроецированного ранним майским солнцем. Он разрезан на равные части толстыми прутьями решётки – звёздные кубики сахарного рафинада.

Утро, четверть пятого. Караульный, откашливаясь и матерясь, пытается раскурить первую сигарету, чиркая о коробок отсыревшими за ночь спичками.

Сосед-сокамерник, ёжась под куцей шинелью, пытается переменить положение затекшего на грубой шконке тела, поддерживая со мной затянувшийся разговор в жалкой надежде забыть о холоде. Скоро подъём. «Посетителям» гауптвахты много спать не положено.

– …а я ей и говорю: ты, милая, колготки бы надела, а то лапки замёрзнут. Как передвигаться-то станешь? Она щеками трясёт, зуб на зуб не попадает и за трусы держится. Мы с парнями тогда так смеялись, не поверит ведь никто – в сугроб с балкона…(смеется) если бы пьяная не была, убилась бы – точно тебе говорю, веришь? Вот бы сейчас пару рюмок, а то холод такой, что кости трещат. Слышь, Казанова, курить у тебя не осталось?

– Не, москвич, сигареты кончились, ещё вчера всё выкурил…

Взгляд туманится, скомканная влажным, пронизывающим холодом бессонная ночь отступила, и сознание стало меркнуть в лихорадочной попытке урвать последние перед подъёмом минуты отдыха…

Утонувшая в тополином пухе улица Герцена, прогретый июльским солнцем асфальтный пятак автобусной остановки и жёлтый, в пятнах битума и ржавчины, старый «Икарус №34», жмущийся трясущимся бортом к уставшим от жары и города дачникам.

Вижу их лица – суровые, напряжённые, в ожидании «кровавой» битвы за пятьдесят квадратных сантиметров на протёртом до дыр линолеуме задней площадки. Створки дверей открылись, издав полное презрения шипение, и схватка началась.

Слежу за последним «бойцом», с разбега влетающим в выпуклые края копошащейся массы, выпирающей из обеих дверей автобуса, словно поднявшееся дрожжевое тесто. Пара мгновений, и злорадно оскалившийся немолодой водитель, глядя в треснувшее зеркало заднего вида, тянется к заляпанным грязью и машинным маслом тумблерам, сработанным из двойного настенного выключателя, надёжно смонтированного поверх заводской панели управления. Створки медленно смежаются, утрамбовывая выдыхающих дачников, и, не дожидаясь окончательного смыкания, водитель начинает движение, резко притормаживая, уплотняя и сдавливая людскую массу.

«Икарус №34», набрав ход, покачиваясь и приседая, медленно тонул в клубах выхлопа от льющейся сверх меры смазки в давно требующие внимания цилиндры. Ещё миг, сизое облако укроет прозрачную гладь заднего стекла, и только теперь, за этой гладью, я рассмотрел знакомое до трепета лицо, в ореоле вьющихся каштановых волос. Тело напряглось, готовясь к стартовому рывку, а из открывшегося рта сорвался крик:

– Ксюша…

– Казанова, твою мать! Ты чего орёшь? Я чуть под шконку не напрудил. А говорят, что бабы только духам и слонам по ночам снятся. Ты завязывай с этим, а то караул бояться начнёт, осерчает и сигаретами делиться перестанет.

Здание гауптвахты военного гарнизона города Слоним не располагало к визуальному изучению. Переделанная из конюшен ещё царской таможни, постройка не таила в себе каких-либо излишеств и спустя век оставалась всё тем же стойлом, быть может, чуть более охраняемым. За его неказистые, приземистые стены я попал по собственной глупости и теперь расплачивался: ограниченной видимостью, ограниченным сном и ограниченным питанием.

– Эй, сержант! Как там тебя? Казанова. Дуй давай в штаб, там тебя уже ждут.

Мордатый ефрейтор, добавив пару слов с местным колоритом, отпер дверь камеры и, поправив на ремне штык-нож, отошёл, освобождая мне проход.

– Не знаю, чего ты ерепенишься? Хорошо же у нас в Беларуси: и погода тёплая, и еда, не то, что у вас в Сибири, – пропустив меня и запирая дверь камеры, продолжил караульный. – А присяга, чего? Ну, нет теперь СССР вашего, чего уж теперь.

– Деньги у вас с кроликами, а я жуть как Ленина люблю, – улыбаюсь в ответ. – А еды я пока так и не попробовал.

– Ну, ну…

Дорожка до штаба, выложенная из жёлтого кирпича, как в незабвенной сказке про мудрого волшебника, тянется вдоль полуразрушенных казарм, наскоро облитых белилами для придачи «надлежащего» вида армейскому хозяйству только что обретшей нечаянную независимость республики. У ещё ожидающего «преображения» штаба толпились офицеры, гомоня и выпячивая напоказ новёхонькие петлицы и шевроны на всё той же болотной форменной ПШ погибшего недавно государства.

– А, перебежчик! Проходи, – радостно встретил меня рослый майор в дверях пропахшего насквозь «Шипром» и «Родопи» кабинета под номером 13.

– Здравия желаю, господин майор!

– Вот никак не пойму, сержант, ну чего ты кобенишься? Можно же было и по-хорошему всё решить. А ты в бутылку лезешь. Мало тебе двенадцать суток в холодной?

– Четырнадцать сегодня…

– Как время-то летит, две недели, а Германа всё нет. Не надумал ещё выдать нам великую буржуинскую тайну?

Майор жестом выпроводил караульного и, указав мне на гостевой стул, устроился за рабочим столом, перебирая разложенные на нём бумаги.

– Вот они, твои запросы, – он взялся за пару листков с ровными рядами печатных букв и крупными печатями в верхнем и нижнем углах. – Пришли сегодня, гляжу, и вправду у тебя рука волосатая есть, первый раз вижу, что на запрос так скоро ответили, ну, или ты шпион, тут ведь как поглядеть.

– Бумаги в порядке? Я могу домой ехать?

– Куда ты так спешишь? А факт пересечения границы куда девать? А отсутствие документов…

– А пересечения, возможно, и не было никакого, в комендатуру я сам пришёл, и всё, что произошло, вы услышали из моих уст.

– Да, да. Слышал я уже и не раз: ВЧ 16456, отдельный батальон охраны при КГБ СССР, базировались в ГДР в городе Дрезден, отвечали за передачу немцам территорий, на которых располагались воинские части ЗГВ после вывода. Только вот всё, что случилось позже, не бьётся ни по каким документам.

Майор поднялся и, обогнув стол, подошёл вплотную ко мне.

– Ты говоришь, что после завершения передачи, вы с остальными сослуживцами, используя полученные от немцев сопроводительные документы и билеты на поезд, отправились к месту дислокации своей части, той, что, якобы, вывелась в наш город?

– Так точно…

– Только вот никакой информации, что часть ваша попала в Слоним, нет, ни одного упоминания ни в одном документе. Как ты это объяснишь?

– Возможно, это связано с распадом страны..?

– Ну, предположим, а как ты объяснишь, что из всех двадцати военных из вашей части, только ты один явился в нашу комендатуру?

– Вот тут я, конечно, дал маху.

– Поподробнее.

– Куда ещё подробнее, – пробурчал я и, повернув голову в сторону окна, за которым располагался плац, продолжил. – Говорил мне взводный: «Вали домой, страна развалилась, КГБ после путча не в чести, а с твоей ксивой только в вагонном туалете отсиживаться». А когда он узнал, что я в комендатуру собрался, вовсе на меня как на психа поглядел.

– Почему? – начальник штаба улыбнулся и потянулся за сигаретами. – Курить будешь?

Я кивнул, взял из мятой пачки сигарету.

– Он сказал, что задачу мы свою выполнили, документы от немцев получили. Часть вывели в Слоним десять месяцев назад, а связь с командирами пропала уже полгода назад. Последнее, что было слышно – её расформировали. Страна развалилась, Слоним теперь в чужой стране, и единственный путь – это двигать по месту призыва и восстанавливать документы дома, а не пойми где.

– А что не так с документами?

– Рассказывал ведь уже, – прикуривая, огрызнулся я. – Военник забрал начштаба для оформления сверхсрочной службы, взамен выдали офицерскую книжку, и по ней составляли все документы у «фрицев». А когда всё с путчем закрутилось, наши штабные в 24 часа испарились, как их и не было, а я остался без документов в чужой стране. Спасибо немцам, билеты купили, да сухпай на неделю выдали. Вот я и приехал по месту вывода части узнать, что да как.

– А мы тебя на нары! – рассмеялся майор.

– Ага, – улыбаюсь.

– Ладно, вернёмся к нашим баранам, к документам твоим, черт бы их побрал, – офицер затушил наполовину выкуренную сигарету и вернулся за стол. – Смотри какая штука: в этом предписании, что сегодня прибыло из твоего военкомата, нет отметки таможенной службы. Отметка военных есть, паспортный стол подтвердил, а таможня добро не дала.

– А как мои сослуживцы без этой отметки уехали?

– У них прямой поезд был – «Берлин-Москва», а у нашей страны теперь договор есть с Германией о прямом сообщении. Если бы твои товарищи, как ты, вышли бы из вагона в транзитной стране, к ним бы тоже возникли вопросы, но самым умным оказался лишь ты.

– Понятно, можете не продолжать. Что делать-то теперь?

– Возьмёшь ефрейтора Чебало и пойдёте на переговорный пункт. Вот тебе шесть тысяч, позвонишь домой, пусть новую бумагу шлют, с отметкой таможни…

Тяжёлый дух кабинета в распахнутом окне переплетается с летним воздухом снаружи, и воздух теряет прозрачность, вибрирует, словно тает в жару. Край оконной рамы оптически соединяется с новым флагштоком вдалеке – дежавю. Тонкая нить сигаретного дыма, поднимающаяся от пепельницы на подоконнике, тоже знакома. Она растворяется в утреннем ветерке, как воспоминания на страницах дневника.

После холода и серости камеры город кажется волшебным видением. Хотя старинные городские укрепления не дошли до наших дней, ни от древнего городища, ни от более позднего Замчища не осталось никаких следов.

Мы оказываемся на площади. Прямо перед нами возвышается фарный костёл. Пересекая мост через канал, попадаем в сердце старого города. Вот и переговорный пункт.

Сегодня, впервые за два с половиной года, услышу Ксюшин голос. Почему-то я точно это знаю, как тогда, давным-давно, в зимний морозный вечер, знал, что она ждёт меня, сидя на широком подоконнике в своей комнате и прислушиваясь к случайным звукам из-за закрытой входной двери.

– Номск! Кто вызывал Номск? Четвёртая кабина.

– Алло…

Её голос. Чуть погрубевший, наверное, плохо себя чувствует. В груди ком, секунду-другую борюсь с волнением.

– Пустынной улицей вдвоём, с тобой куда-то мы идём, а я курю, а ты конфеты ешь…
– Привет, ты откуда звонишь?
Голос удивлённый, сдержанный.
– Привет, любимая. Мне нужна твоя помощь.

Глава 2

21 марта 1989 года Президиум Верховного Совета СССР принял решение о сокращении советской армии и оборонных расходов в течение двух последующих лет. Армия должна была уменьшиться на полмиллиона военнослужащих, а военный бюджет – на 14,2%.

Эти события стали отправной точкой для вывода Западной Группы войск из Германии, ранее известной как ГСВГ. Процесс вывода разворачивался следующим образом.

12 сентября 1990 года представители шести государств (ФРГ, ГДР, США, Франция, Великобритания и СССР) подписали соглашение об объединении Германии. Фактически, ФРГ присоединила к себе ГДР. В этом договоре оговаривалось временное пребывание советских войск на территории Восточной Германии. Москва обязалась полностью вывести войска до конца 1994 года.

Генерал Борис Снетков, командующий Группой войск, отказался выполнить приказ о выводе войск в Советский Союз, заявив о нежелании разрушать созданное маршалом Жуковым.

За неподчинение приказу он был отстранен от должности, и его сменил Матвей Бурлаков, ранее командовавший Южной Группой Войск (Венгрия).

Перед новым командующим стояла сложная задача. Западная Группа войск, дислоцированная в ГДР, была самой крупной группировкой и должна была прикрывать границу в случае войны на время мобилизации сил СССР и других стран Варшавского договора. В состав ЗГВ входили три общевойсковые, две танковые и одна воздушная армии.

Общая численность личного состава превышала 330 тысяч человек. Вместе с семьями на родину необходимо было переправить более полумиллиона человек.

Кроме того, ЗГВ располагала огромным количеством современной военной техники и 2,6 млн тонн материально-технических ресурсов, включая более 650 тысяч тонн боеприпасов, в том числе ядерные боеголовки, подлежащие первоочередной отправке в СССР.

Для перевозки людей, техники и грузов планировалось использовать железнодорожный и морской транспорт в течение четырех лет, с 1991 по 1994 год.

Однако от железнодорожных перевозок едва не отказались из-за требований Польши о ремонте всех мостов по пути следования воинских эшелонов и оплаты за проезд каждой оси вагона.

Размер требуемой суммы был совершенно запредельным. Для компенсации всех затрат на транспортировку военнослужащих и техники, Германия предоставила лишь 1 миллиард немецких марок.

Немецкому правительству удалось склонить Польшу к снижению своих финансовых претензий. В итоге, 30 сентября 1994 года, последний, пятнадцатый тысячный, воинский состав триумфально отбыл с берлинского вокзала Лихтенберг.

***

Дорога к вокзалу казалась бесконечной. Я впервые за этот месяц был предоставлен самому себе. И хотя я был облачён в парадную форму (моя импортная гражданская одежда была с радостью и безвозвратно экспроприирована в стенах узилища), сшитую по последнему писку местной армейской моды, её строгий и угрюмый вид навивал на меня уныние, столь неуместное при сегодняшнем событии.

Местная штабная свора всё же вняла моим доводам, а скорее телефонному звонку, поступившему на прямой телефон начальника Слонимского гарнизона от кого-то очень важного в местной армейской иерархии. Меня срочным образом доставили в одну из местных ВЧ, отпарили в офицерской бане, переодели и поставили на временное довольствие.

И вот теперь, ещё раз проверив правильность написания своей фамилии в полученной в штабе увольнительной, я выдвинулся встречать маму, решившую самолично доставить столь драгоценное для меня предписание со всеми подписями, печатями и разрешениями.

Слонимский вокзал – яркая жемчужина, украшающая город, заслуженно почитающаяся за свою историческую ценность и неповторимый облик. Первые поезда к его стенам начали прибывать ещё в конце XIX века по стальной нити, связавшей Барановичи и Варшаву. Однако свой законченный, исполненный величия архитектурный облик здание обрело лишь в начале XX столетия.

В архитектуре вокзала, словно в зеркале, отразились изящные черты модерна и пышность необарокко. Фронтон над входом, подобно короне, увенчан богатым декором, заслуженно приковывая взгляды и навсегда врезаясь в мою память.

Я стоял на каменном перроне станции и ждал поезда. Не один, конечно. Три десятка встречающих составляли мне довольно шумную компанию, подтверждая известную идиому, что в маленьких городах – каждый житель либо родственник, либо знакомый. Горожане громко приветствовали друг друга, издали размахивая руками, кивали в знак уважения, обсуждали новости и погоду, смеялись и ругали опаздывающий поезд.

Состав наконец появился на горизонте. Он приближался медленно, приветливо посвистывая громким гудком и слепя встречающих, тут же повернувших головы в его сторону, мощным лучом головного прожектора. Его яркий свет был виден издалека, у самой границы слияния рельсов. Люди щурились и прикрывали ладонями глаза, но уже не выпускали поезд из виду. Горожане всё еще что-то говорили друг другу, еще обсуждали какие-то новости, но по-настоящему их мысли уже были с этим поездом и с его пассажирами.

Я не знал, в каком из вагонов едет мама, и только сейчас понял, что встречаю её впервые за всю свою жизнь. Отец, мама и брат путешествовали часто, объехав всю страну вдоль и поперёк. Я в этих поездках участвовал редко, ссылаясь на занятия спортом и учебу. И вот теперь проникся духом странствий, подспудно представляя обратный путь домой, пусть даже и с неинтересным, но всё же родным попутчиком.

Мама, как же я соскучился.

Я всматривался в закопчённые окна вагонов, скользивших мимо меня, пытаясь высмотреть её лицо в тёмных купе, среди копошащихся в финальной лихорадке пассажиров, а в душе нарастал щемящий ком счастья. Сейчас она появится в узком просвете вагонных дверей, в тёмно-зелёном своём свитере, в строгих серых брюках, сшитых подругой-закройщицей по выкройкам журнала «Бурда», в туфлях-лодочках из чёрной кожи (мама всегда стеснялась своего роста и поэтому предпочитала туфли без каблуков), и всё станет по-прежнему: работа, учёба, помощь по саду и дому, редкие разговоры на маленькой кухне, сетования на мою безалаберность, встречи с друзьями и улыбка Ксюши…

Мама вошла в комнатку, где я спал эту ночь, еле слышно отворив приземистую дверь. Этот дом она арендовала у смешной старушки, забавно коверкающей русские слова в вялой попытке получить у редких приезжих «немного на жизнь» за пару комнат в её старом частном доме. Она долго стояла в дверях, не решаясь заговорить, боясь, наверное, потревожить мой сон. Смотрела на меня, прислонившись к косяку, сложив на груди руки, и улыбалась. Я тоже тайком разглядывал её через смежённые веки, притворяясь спящим, как в детстве.

– Проснулся, – проговорила она с усмешкой. – А я смотрю, веки подёргиваются. Как спалось, не замёрз?

Я открыл глаза. Улыбнулся в ответ.

– Не замёрз. Чего ему будет-то.

Я уселся на кровати, поводя носом, учуявшим запах яичницы. Так делает любой пёс, когда жарят мясо. Я даже представил пару жёлтых глаз в белой глазури на раскалённом диске чугунной сковороды и чуть не подавился тут же выступившей слюной. Сделав пару шагов, мама присела на край кровати.

– Даже в тюрьме есть свидания, – всё так же улыбаясь произнесла она. – Я не видела тебя два с половиной года. Ты стал очень взрослым, хоть и похудел…

– Местная кухня, мадам, так и не смогла найти путь к моему желудку. То ли дело твоя яичница.

– Болтун. А кому-то не нравилась моя тушёная картошка. Ты не помнишь, как сам начал готовить? А я помню. Твой младший брат до сих пор вспоминает, как ты лагман делал и картошку фаршировал.

– Эх, знала бы ты, сколько раз я мечтал о твоём борще и о твоей картошечке с мясом из скороварки.

Мама покачала головой, рассматривая мои пальцы с жёлтыми пятнами никотина.

– Ты начал курить?

– Пришлось.

– Это как?

– В армии, как и в тюрьме – если ты не куришь, значит, в перекур работаешь.

– Бросишь?

– Очень на это надеюсь. Но ничего нельзя утверждать, – я опять улыбнулся. – Зато я бросил пить.

Мама строго смотрит на меня. Вьющиеся волосы, нос с горбинкой, мелкие морщинки в уголках карих глаз. Я уже и забыл, какая она у меня красивая.

– Опять шутишь?

– Почти нет. Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся.

– Отец на уши поставил весь город, чтобы бумаги тебе выправить. После того как их эти местные забраковали, пришлось ещё один круг по кабинетам сделать, Бог весть, что ему это стоило. Хорошо, Ксюша твоя пришла сразу. Рассказала, что звонил и отца своего попросила помочь. Он вроде знает кого-то… Красивая такая и одета хорошо.

– Спасибо!

– Отцу скажи, – поднимается. – А теперь марш на кухню, еда стынет. Документы у нас на руках, билеты нужно обратные купить, поезд отправляется ночью. Сегодня вторник, в субботу утром будем дома.

Глава 3.

17 января 1989 года.

Дневник 1.

Я начал вести тебя, чтобы сохранить мельчайшие детали моего СЧАСТЬЯ. Да, я счастлив! Каждое мгновение приобрело смысл, я наконец по-настоящему родился, я живу, я стал ВИДИМЫМ!!!

И нас двое! Мы – две половины одного целого.

Не важно – бродим ли мы молча по городу, готовимся ли к учёбе, сидя в комнате каждый со своим учебником или конспектом, рассматриваем ли наши вытянутые тени, размазанные по тёмному асфальту под блеклым неоновым светом уличного фонаря. Тепло.

Ходили в парк Пионеров, бегали по лабиринту ледяной крепости. Целовались до боли в отмороженных губах, потом неслись как угорелые домой, пили волшебный чай Виктории Александровны, ужинали, любовались алыми от мороза щеками (зря я их натёр колючим снегом), читали вслух Дюма, придумывая «французские» слова.

А ночью я видел Ксюшу во сне. Курносое чудо с горящими в темноте глазами. В цветастом платье и модных лоферах с большими золотыми гербами.

Время остановилось 17 января 1989 года.

***

Трудно себе представить, что были времена, когда не существовало возможности просто пойти и купить модную обувь. Её доставали с трудом и риском через спекулянтов, обменивали на дефицитные талоны, часами простаивали в очередях, либо покупали у знакомых, которым обновка не подошла – результат долгих ожиданий, приобретенный лишь бы не уйти ни с чем, а затем выставленный на перепродажу.

Основная масса стильной обуви поступала из стран социалистического блока: Венгрии, Румынии, Чехословакии и Болгарии. Югославская обувь, более мягкая и элегантная, считалась особенно престижной.

В конце 80-х годов прошлого века, когда сквозь однообразие пробивались первые признаки перемен, многое стало доступнее… при наличии денег.

Ни прилавков, ни столов – только живой коридор из торгующих с товаром в руках и медленно двигающийся поток покупателей, жадно ищущих нужную вещь. Туфли Salamander (Салома), Scorpione (Скорпы), мокасины с бахромой из тонко нарезанной кожи (Лапша), Адики

и Пума – сверхдорогой и самый редкий товар, обувь из Западной Германии, Франции и Австрии оставалась заветной мечтой, вершиной желаний.

***

Я открыл глаза, и первое, что пришло в голову – свобода! Не нужно ждать криков дневального, построения и команд офицеров, думать о влажном и мрачном холоде стен, за которыми меня «поселили» собственные решения и действия. Состав, явно сбавив ход, нехотя катился сквозь утреннюю пелену тумана, цепляющегося за посветлевшие окна купе непроглядной плотной ватой.

Мысли были свежи, как лёгкий сквознячок, струившийся через небольшую щель в неплотно прикрытой створке окна. Я лежал на верхней полке, под шерстяным и пыльным одеялом, точно таким же, как в любой солдатской казарме – видимо, их производили на одной и той же фабрике. Скорый фирменный поезд № 14 «Берлин – Москва» упрямо стремился попасть в конечный пункт назначения, сохранив минимальное (в один час) отставание от расписания.

– Граждане пассажиры, – раздался всепроникающий голос проводницы, заставивший вздрогнуть каждого, кто имел возможность слышать. – Поезд въезжает в санитарную зону. Через сорок минут мы прибудем на Белорусский вокзал столицы нашей родины – города-героя Москвы. Туалеты я закрываю.

Последнюю фразу она произнесла с особым удовольствием, и мне тут же захотелось добавить:

«Кто не спрятался, я не виноват!»

Вагон в одно мгновение превратился в улей, нечаянно потревоженный беспечным бортником. Дремотность и тишина сменились хаотичной и шумной кутерьмой, словно люди только и ждали «волшебных» слов проводника.

Состав застыл у заасфальтированного перрона. Двери отворились, и людское море хлынуло из них, разливаясь вдоль серых стен вокзальных зданий. Редкие встречающие суетливо копошились в этом потоке, стараясь разглядеть знакомое лицо, часто «выныривая» над движущейся поверхностью.

– Мам, во сколько у нас поезд? – дождавшись, когда наши попутчики выдвинулись в сторону выхода, спросил я.

– В 16:40 с Казанского, – отозвалась мама, стягивая наволочку с жидкой подушки, набитой комковатой ватой. – У нас есть три-четыре часа на разграбление города.

– Тогда на Арбат и в Александровский сад?

– Лучше в ГУМ, нужно тебе что-нибудь из одежды купить. Всё, что я тебе привезла, кроме футболки и носков, мало, а в военной форме, я думаю, ты и сам не пойдёшь.

– В этом ПШ я словно с Великой Отечественной вернулся. Боюсь, что каждый встреченный нами патруль будет интересоваться, откуда такой бравый партизан взялся.

– Одень мою кофту, брюки сверху прикрой. Ремнём их затяни, чтобы не спадали, – протягивая мне свой свитер с высоким воротником, заговорила она. – Хорошо, что кроссовки тебе впору, хотя и в ботинках вроде ничего… Как же я не догадалась твой спортивный костюм взять! Бегала по военкоматам и в КГБ, он теперь ФСБ называется, а про одежду не подумала.

– Мне в комендатуре деньги какие-то дали, дорожные, тысяч шесть, на российские что ли? – натягивая мамину кофту, поинтересовался я. – Может, хватит на штаны?

– На сигареты хватило бы. Сейчас ценники такие, что не знаешь, на хлеб хватит или нет.

Мы вышли на уже опустевший перрон. Я тут же потянулся за сигаретами, отметив, что пачка купленной в Слониме «Магны» почти пуста. В Германии я плотно подсел на «НВ», меняя выдаваемые в части «Охотничьи» и ярославскую «Приму» у местного деда, служившего в сороковых в вермахте и попавшего в русский плен. Обмен проходил один к двум в мою пользу, к великой радости обеих сторон.

– Сигареты купить нужно, – пробурчал я. – А в ГУМ мы с тобой не поедем. Доберусь до дома в том, что есть. Не голый, и слава богу.

– Правда, доедешь?

– Доеду! Дома есть что надеть, не всё перед армией продал. Да и привёз я из Дойчланда кое-что…

– Куда привёз? – остановилась мама.

– Взводный мои вещи вывез, – увлекая её за собой, ответил я. – Он в Кокчетаве живёт. Гнал машину себе и вещи мои заодно увёз.

– Кокчетав теперь в другом государстве, как и сослуживец твой. Так что сильно на него не надейся. Он хоть русский, взводный этот твой?

– Русский! – буркнул я, направляясь ко входу в метро.

Сигареты я всё же купил на площади Трёх вокзалов в неказистой коммерческой палатке, сваренной из железного листа и кое-как покрашенной половой краской цвета милицейской шинели. Блок «Магны» потянул на три тысячи, вдвое уменьшив мои транспортные.

Трое суток до дома тянулись целую вечность, усугубляемую вонючим и тесным застенком старого, раздолбанного плацкарта, в котором усилиями предприимчивых работников железной дороги были распроданы даже самые верхние полки, раньше используемые исключительно под багаж.

Город детства встретил необыкновенным весенним небом, свежим и лазурно-прозрачным, в отличие от замутнённых пылью, смогом и влагой столичных небес. Только теперь я почувствовал, как соскучился по этой глубокой голубой дали в белоснежном кружеве облаков, живущих только в этих границах, знакомых с детства и незамечаемых ранее.

Я шёл к остановке автобусов и троллейбусов, столпившихся на привокзальной площади, конечной точке множества маршрутов, стекающихся со всех частей моего города, ускоряя чрезмерно пружинистый шаг, глубоко вдыхая утреннюю прохладу, улыбаясь во весь рот, словно встретив давнего товарища, которого не видел много лет.

– Вон, сорок первый подъехал, – окликнула меня мама. – Побежали, минут через сорок будем дома.

Старенький трудяга ЛИАЗ, за свою тяжёлую жизнь встретивший в поездках множество гостей, путешественников, командированных, горожан, сельских жителей, заезжих чужестранцев и т. д. и т. п., приветственно распахнул узкие створки дверей и, дождавшись попутного ветерка, натужно ревя уставшим двигателем, нехотя покатил в сторону центра. Шипя прохудившейся пневмоподвеской, петляя между колдобинами и выбоинами, автобус двигался по проспекту имени Карла Маркса, неуклонно приближая меня к моему дому – старому деревянному бараку, печально глядящему на городской Milliarium Aureum покосившимися глазами-окнами.

– Сейчас только подумала, – чуть склонившись ко мне, заговорила мама, перекрикивая грохот нашей «пассажирской арбы», – ты ведь в городе не был почти три года. Изменился?

– Пока трудно сказать. По сравнению с мелким Слонимом и суетливо-пыльной столицей, наш, похоже, замер в ожидании чего-то.

– Чего? – не поняла мама.

– Чуда, должно быть. Ждёт, что в голубом вертолёте волшебник прилетит, ну, или, на худой конец, дворники с коммунальными службами, а поверх капитальной уборки пару-тройку поливальных машин отмоют грязь и вернут вчерашний блеск нашему Городу-саду.

– Вот ты о чём. Не до блеска сейчас, выживают все.

– В чистоте и выживать, и жить веселей.

– Это ты после Европ своих так говоришь.

– Не вижу разницы, везде люди живут…

Пара остановок, и сорок первый, свернув направо, покатил вдоль торгового центра. От вида его кирпичных стен с ярко-белыми вставками плит в душе появилось ощущение праздника, давно забытого, но оттого не менее приятного, тёплого, домашнего, в горле запершило, глаза сами собой увлажнились.

– Ну вот, мы и дома, – начала суетиться мама, поднимая с пола сумку и направляясь к дверям. – Сейчас помоешься, отец, пока тебя не было, во дворе душ соорудил. Я пока приготовлю чего-нибудь. Поешь, отдохнёшь, а завтра с утра пойдём по кабинетам, документы твои искать.

– Насчёт завтра я понял. А насчёт сегодня, мам, у меня есть некоторые планы.

– Понятно всё, – уже выходя из автобуса, причалившего к пирсу-остановке, улыбнулась она. – К Ксюше своей побежишь? Хоть позвони сначала, может, дома никого нет…

Дома ничегошеньки не изменилось. Заедающий, сколько я себя помню, замок на входной двери, тёмный коридор с выстроенными в ряд стиральными машинами на протёртом деревянном полу, длинный пенал общей кухни с кривым гусаком смесителя, газовым баллоном, соединённым длинным резиновым шлангом со старой, на четыре конфорки, плитой, узкий бело-голубой буфет, пара табуретов и запах нашего небольшого мирка: круглый стол, диван, шкаф, холодильник, моя кровать и два высоких окна, смотрящих на всё это «великолепие».

– Вещи твои в антресоли, сейчас полотенце достану, шампунь вот. Дуй в душ, слева во дворе увидишь. Только ключи от замка взять не забудь. Они на крючке у входа висят.

Мама достала из платяного шкафа огромное махровое полотенце и, протянув его мне, тут же направилась на кухню, мельком проведя ревизию внутренностей холодильника.

Я, скинув надетые на меня «латы» в виде маминой кофты, старой клубной футболки и брюк от костюма, в котором я в какой-то другой жизни получал диплом об окончании техникума, отыскал в антресоли свой спортивный костюм. Натянув его, тут же ощутил, насколько я увеличился в размерах на сытной армейской диете.

– А гардероб-то явно придётся менять, – буркнул я, отправляясь во двор. – Ладно, это потом, а сейчас глянем, что там батя за душ намутил…

Двор оказался пустым, лишь пара неизвестных мне машин лениво загорали под дневным весенним солнцем, подставив бока и крыши под его яркие лучи. Душ оказался довольно уютным: обитые подобием линолеума стены, небольшой предбанник, душевая с крупной, явно самодельной лейкой в подсвеченном тусклой лампой потолке и тянущаяся к ней труба из причудливого смесителя с холодной и ГОРЯЧЕЙ водой. Чудо!

– Мам, я постараюсь быстро, – еле застегнув на себе старые отцовские джинсы, втиснувшись в поблекший турецкий свитер и натягивая ещё приличные «Скорпионы» (один из первых опытов зарубежной обувной индустрии совместить туфли и кроссовки), заговорил я. – К Сане сейчас забегу, позвонить.

– Поешь, – только и успела крикнуть она вслед покидающему квартиру мне.

Тёплый день середины мая. Запах сирени и черёмухи, яркая зелень молодой поросли и салатовые первенцы листвы в маслянистой кожуре облетающих почек. Чистота, впечатляющая палитра красок, молодость, разрядка чувств, НОВАЯ ЖИЗНЬ!

– Блядь! Казанова! – Саня орал так, что, наверное, если бы это случилось тогда, четыре года назад, ночью в узкой комнате квартиры его деда-полковника, выходившей окном на соседнюю пятиэтажку, он безусловно одержал бы безоговорочную победу в нашем шумном ночном приключении. – Заходи, друг! Маша, посмотри, кто к нам пришёл.

Из кухни в коридор выглянула Мария Аркадьевна.

– Здравствуйте, юноша. Очень рада вас видеть. Проходите, сейчас будем пить чай.

«Она совершенно не изменилась», – подумал я. Может быть, ещё немного высохла, но хватка старого революционера всё так же чувствовалась в каждом её движении, в каждом слове.

– С удовольствием, Мария Аркадьевна, – выпалил я, проходя в прихожую, закрывая за собой дверь и потянувшись к телефонному аппарату. – Привет, дружище, я позвоню?

– Не надо этого делать, друг, – заслоняя от меня телефон своим мощным телом, тихо, но отчётливо произнёс друг. – Проходи в комнату, и поговорим…

Глава 4.

С началом 90-х и крушением Советского Союза российский рынок наводнили зарубежные товары. Отчетливо помню, как вошли в обиход американские сигареты: Lucky Strike, Marlboro, Camel, Winston, и, конечно, More. Каждая фирма стремилась занять свою долю в новом сегменте рынка. Со временем привычным для российского потребителя стали спирт Royal, ликер Amaretto и водка Black Death.

Эта водка, выпускавшаяся британской компанией G&J Distillers, продавалась в черной банке с изображением черепа в цилиндре. Несмотря на зловещее название, качество Black Death было вполне достойным. Хотя она и казалась крепкой, после употребления банки редко наблюдалось сильное обезвоживание или плохое самочувствие на следующий день. Объем тары составлял 0,33 литра. Немногие знают, что оригинальная Black Death ("Черная смерть") изготавливалась не из зерна, а из сахарной свеклы. Для достижения более мягкого вкуса спирт трижды пропускали через ректификационные колонны.

8 марта 1989 год.

Дневник 1.

Привокзальная площадь совершенно пуста. Наш автобус – самый первый. Я тяну упирающуюся, не совсем проснувшуюся девушку к зданию вокзала. Сегодня мы едем далеко-далеко.

На улице темно и зябко. Бронзовый набалдашник дверной ручки, натёртый ладонями тысяч и тысяч пассажиров, сверкает золотом, огромная створка поддаётся с неохотой. Внутри – скучная пустота, полумрак и долгое эхо от наших шагов.

Узкое оконце кассы, сонная хозяйка с расплывшейся по пухлым губам помадой.

– Два билета до Русской Поляны!

Мой голос – вкрадчивый и немного лукавый.

– Обратные брать будете?

– Нет, мы уже не вернёмся!

– Рубль тридцать, берите обратные, там касса может не работать…

– Барышня, мы обратно на такси! Мой водитель прибудет за нами к указанному времени.

Принимаю два прямоугольных квиточка, отправление через десять минут.

Два часа в полупустом сидячем вагоне, Ксюша спит у меня на плече. Её нежные и слегка влажные губы полураскрыты загадочно, маняще. Не удержался, целую её, целясь в изящную родинку. Улыбается.

В немытое, засаленное окно продирается солнце. Время летит незаметно, и вот мы уже в утреннем весеннем лесу, влетев в его распахнутые приветливо лапы сразу, как только спустились с неказистого, утопленного в снегу полустанка (до Русской Поляны мы не доехали).

Хруст снежинок под ногами, брызги искр в чистейшем лесном воздухе, влажная свежесть в весеннем ветерке и бархатистая дымка из выстроившихся на модный показ облаков.

Мы разглядываем их, лёжа на моей дублёнке, расстеленной на нетронутом снегу у самой кромки смешанного перелеска. Провожаем взглядом, словно корабли из лазурной бухты. Молчим. Нам не нужно говорить. Мы – одно существо.

***

– Привет. Как ты здесь…?

– Я приехал сегодня, всё решилось с документами, и меня отпустили.

– А…

– Тебе спасибо, всё моим рассказала, мама сама всё, что нужно, привезла.

– Забрала тебя?

– Так точно.

– Смешной ты, с этой прической.

– На губе побрили, больно вихрастый был.

– На губе?

– Так тюрьма у военных называется.

– Понятно.

– Так непривычно тебя с чёрными волосами видеть. Покрасила?

– Да. Модно так сейчас.

– Красиво.

– Спасибо.

– Ксюш…

– Не надо. Пойдём, покурим.

– Ты куришь?

– А ты?

– Пойдём.

Стоим на холодном полу балкона. Солнце спряталось за соседской девятиэтажкой, мрачно и сыро. Между нами метр мёртвого пространства. Взгляды пустые, молчание и дым от сигарет.

– Чем тебя прельстил "More"?

– Что?

– Сигареты прикольные.

– Лёгкие и ментол…

– Понятно.

– Зачем ты пришёл? Я Саню просила, чтобы он тебе всё рассказал.

– Он рассказал.

– И что?

– Я три года так хотел тебя увидеть, что не смог не прийти.

– Три года…

– Это много?

– Нет, наверное.

– Тогда почему?

– Несвоевременность. Так Тальков пел?

– Я хотел тебя увидеть, а той тебя нет.

– Нет?

– Она ушла, по делам, наверное.

Опускаю истлевшую "Магну" в наполовину заполненную окурками банку из-под немецкого пива "HB".

– Передайте ей, пожалуйста, что я вернулся… и вот это ещё.

Достаю из заднего кармана джинсов стянутый шнурком чёрный берет с небольшой кокардой и клиновидным красным флажком.

– Это не восьмиклинка, конечно, но это всё, что у меня сейчас есть.

– Что у тебя с армией?

– Мы расстались с ней по обоюдному согласию, осталось только оформить это документально.

– Удачи.

– Спасибо.

– Мне пора, – сказал я, поворачиваясь к двери.

– Прости, я не хотела, чтобы ты это видел.

Я ничего не ответил, лишь тихо вздохнул. Постоял еще немного, а потом вышел, оставив девушку наедине с холодным балконом, окурками и пеплом в светлой пивной банке, чёрным военным беретом, зажатым в тонких, нежных пальцах незнакомки – из чьей-то чужой истории.

В жестяном ларьке, прижавшемся бочком к остановке «улица Яковлева», полном близнеце столичного, я купил банку «BLACK DEATH».

Дребезжащий катобус надсадно голосил прогнившей выхлопной, заглушая пьяную эскападу одного из своих пассажиров. Вместе с «Черной смертью» мы ехали до первого после переезда садового товарищества с бойким названием «Энергия 1».

Старый, слегка покосившийся без капитального фундамента «скворечник» встретил непрошенного гостя накидным замком на усиленных листом жести дверях, решётки из сантиметрового прутка закрыли возможность попасть в его нутро через окна.

– И здесь мне не рады, – выдохнул я, направляясь в дальний угол сада. – Спасай, банька, ну хоть ты спасай!

Стемнело быстро. Я, обняв колени и забравшись на верхний полок, наблюдал, как заботливо напиленные отцом поленья (ровно такие, чтобы поместились в миниатюрной топке) неумолимо поглощает раздухарившийся от усиленной тяги красавец огонь. Жару я не чувствовал, лишь липкую, противную жижу, повисшую на мне и медленно оседавшую на белую поверхность досок осины, из которых полок был сколочен.

С первых минут шальная дурнота от алкоголя совсем лишила меня чувствительности, но и спустя время пламя, набравшее силу волшебным образом, не причиняло мне зла, скорее жалея и очищая от внутреннего напряжения и обиды.

То ли водка была палёной, то ли моё состояние не позволило ей подействовать, но в этот вечер она так и не смирила меня с произошедшим.

– Милая, сегодня праздник – День открытых дверей в забытом доме…

Завораживающий танец огня не утихал, добавив в свой рисунок салюты из ярких искр, взлетающих к верхушке топки то тут, то там, а совершенно трезвый наблюдатель еле слышно напевал возникшую в голове давно позабытую песню.

– Несвоевременность – вечная драма…

Глава 5.

Крах Советского Союза и последовавший за ним период нестабильности поставили армию страны в крайне тяжелое положение, близкое к коллапсу.

Приблизительно, к концу 1991 года, численность Советской армии составляла от 3,7 до 3,8 миллионов человек, не считая гражданских служащих. К моменту издания указа президента РФ Бориса Ельцина "О формировании Вооруженных сил Российской Федерации" в мае 1992 года, количество военнослужащих оценивалось уже в пределах 2,5–2,8 млн. Указ предусматривал дальнейшее уменьшение как численности, так и боевого потенциала Вооруженных сил РФ, а также сокращение расходов на их содержание с перспективой постепенного перехода к профессиональной армии. Параллельно Министерство обороны должно было разработать комплекс мер, направленных на обеспечение социально-правовой защиты военнослужащих, подлежащих увольнению. Однако эти намерения так и не были реализованы.

***

12 апреля 1989 год.

Дневник 1.

Сегодня ездили с Ксюшей к её дедушке. Вчера выяснилось: у него день рождения в День космонавтики, юбилей – 80 лет. И оказалось, что когда-то давно дед и отец поссорились, и единственный, кто поддерживает с ним связь, – Ксюша.

– Съездишь со мной к деду? – попросила она, нежно погладив меня по волосам.

– Я завтра учусь и работаю, если только вечером. После семи.

– Давай, я уеду к нему раньше, а ты приедешь и заберёшь меня?

– Тогда я куплю по дороге торт, и немного посидим, чай попьём.

– Он почти ничего не ест, желудок у него больной.

– Чего же ты раньше не говорила? У Тома батя по желудкам спец. Давай я с ним поговорю, устроим деду полное ТО.

– ТО???

– Техническое обслуживание…

Георгий Иванович жил в старой хрущевке всего в четырёх остановках от моего таксопарка (работаю всего полгода, а уже – «МОЕГО»). Интересный старик. Прямой, немного грубый, боксёр-контровик (так в спортивной среде называли бойцов, работающих на ошибках соперников) в постоянной защитной позиции.

– Твой? – смотря на меня, но обращаясь к Ксюше, проговорил он, открыв дверь.

– Мой, – чуть смутившись (как мне показалось), отозвалась она.

– Спишь с ней? – смотрит, не отрываясь.

– С ней поспишь! – отвечаю.

– Наш человек! – отступает, пропуская меня в прихожую. – Георгий Иванович, будем знакомы.

Странно, но рядом с этим мужчиной я почувствовал себя мелковатым, будто бы прописная буква «м» перед заглавной «М». Надо срочно что-то с этим делать!

Обратно мы шли пешком.

– Слушай, а чего они поругались?

– Кто?

– Ну, отец твой с дедом?

– Дед его пацаном обозвал при всех…

– Тогда понятно.

Эта часть города была усеяна частными домами, прячущимися за неказистыми дощатыми заборами. Улицы, так и не дождавшиеся благоустройства, встречали нас тёмными провалами луж на расплывшейся слизи грязи, которую местные называли дорогой.

Мы пробирались вдоль домов и изгородей в полной темноте, словно преступники, возвращающиеся с дела, скрываясь от любопытных глаз и путая след. От быстрого шага Ксюша быстро устала, и я, остановившись, поднял её на руки.

– Помнишь, ты так же нёс меня с дня рождения Тома?

– Это когда шампанское оказалось термоядерным?

– Ага! Мой папа только тогда тебя признал.

– Это как?

– Мама с Викой меня раздевали, отпаивали, умывали. Ругали тебя, мол, напоил и всё такое. А отец прикрикнул на них и сказал: «Что мало того, что нёс её, но ещё и не побоялся домой принести, взяв вину на себя, глядя в глаза. Так лишь настоящий мужчина может поступить».

– Не отпускай меня. Слышишь? Никогда…

***

– Да не могу я его вот так уволить! Он сержант сверхсрочной службы, у него же офицерская книжка на руках!

Грозного вида офицер в форменной рубашке без знаков различия, но в брюках с красными лампасами, громогласно объяснял непонятливому посетителю хитросплетения воинских норм и законов.

– Да пойми ты, одно дело сопроводительное письмо выправить по месту призыва, другое – уволить со службы сверхсрочника. Это приказ нужен по министерству и всё такое, а у него даже выписки из части нет. Да и часть такая, что КГБ-шники сами от неё открещиваются. Что уж там у них произошло с выводом, ума не приложу. Но вот так получается, что парень твой в войска КГБ ушёл и пропал вместе с КГБ. Комитета нет, и парня твоего тоже. Так по документам получается.

– Петрович, – голос отца звучал глухо. – Командир, но если не ты, то ведь никто и не поможет.

– Ладно, – выдохнул генерал, наливая в гранёный стакан коньяк из стоящей на столе бутылки. – Есть одна идея. Маша! Соедини меня с летунами, начальник штаба там, кажется, Шмелёв. Батальон обеспечения аэродрома, тот, что на старой Московке.

Через час я стоял у ворот КПП воинской части № *

– Здравия желаю, я к начальнику штаба, моя фамилия…

Дежурный мельком взглянул на меня и потянулся к трубке местной связи.

Всё, что связано с армией в любой стране, принято систематизировать, приводить к уставному виду, чтобы каждый, попавший в её боевые порядки, сразу имел возможность оценить стройность и аутентичность воинских рядов, выучку и смекалку солдат и офицеров, решимость генералов, красоту парадной формы в дембельском её исполнении.

Майор Шмелёв был собран и лаконичен (насколько позволяла ему крайняя степень алкогольного опьянения).

– Фотогра… (ик), ф… (ик), – глоток из графина, долгий подход странника пустыни, заплутавшего в её нескончаемых просторах и случайно наткнувшегося на оазис. – Фото принёс?

– Так точно! Товарищ майор, – вытягиваюсь в струну.

– Тамбовский волк тебе товарищ, солдат. Давай сюда, – указывает на стол, заваленный бумагами, печатями, ключами и остатками пирушки. – Двигай в дежурку, там подождёшь, скажи – Шмелёв приказал.

Я развернулся и уже сделал первый шаг к двери, когда начштаба вновь заговорил, чётко, трезво, с нотками сожаления, что ли.

– Знаешь, зачем я это делаю?

– Никак нет, – замерев и не оборачиваясь, отзываюсь.

– Да потому, что мне похй, понимаешь, солдат – ПОХЙ! Я завтра на дембель, новой стране такие, как я, больше не нужны. Ей больше никто не нужен, ни ты и ни я, никто. Свободен, солдат. Будь здоров, не кашляй.

– Спасибо, товарищ майор, – я вышел за дверь, тихо прикрыв её за собой, словно дверцу новенького авто.

В дежурке было накурено, как в шофёрской курилке старого таксопарка № 5. Дневальный, унылый парень с прыщами на подбородке, нехотя буркнул: "Жди". Я присел на обшарпанный диван, обитый дерматином, и уставился в стену, разрисованную местной «редколлегией». В голове гудело от выпитого накануне, а сердце трепетало от предвкушения свободы.

Минуты тянулись мучительно долго. За окном темнело, где-то далеко за плацом раздавался лай собак. В дежурке пахло кислым потом и махоркой. Наконец дверь скрипнула, и появился Шмелёв. Он выглядел еще более помятым, чем прежде.

– Пошли, – буркнул он, махнув рукой.

В кабинете было мрачно и тихо. Шмелёв достал из сейфа бутылку водки и два стакана. Налил до краев, один стакан протянул мне.

– Ну, за дембель! – произнес он, чокаясь.

Я выпил залпом, обожгло горло, но на душе стало легче. Шмелёв смотрел на меня усталыми глазами.

– Иди, солдат, – сказал он тихо. – И забудь всё это, как страшный сон.

Через пару минут я уже покидал ВЧ №, унося в кармане новенький военный билет с лаконичной отметкой: «Уволен из рядов ВС, согласно приказу № 367/24.04.93. Начальник штаба майор Шмелёв В.В.».

Я свободен!!! Спасибо отцу, его старому армейскому командиру, ставшему генералом, и начальнику штаба ВЧ № майору Шмелёву В.В., которому стало наконец пох*й.

Глава 6.

После взрывной приватизации в новой России, прежние государственные таксомоторные предприятия прекратили своё существование или трансформировались в частные таксомоторные компании. Но в течение всех 1990-х годов основную долю рынка перевозок занимали частные лица, известные как "бомбилы". Некоторые занимались этим постоянно, другие подрабатывали вечерами. Любой владелец автомобиля мог стать таксистом.

Символом времени стала "Газель" (ГАЗ -3221), выпущенная в 1994 году, – ставшая настоящей легендой в сфере перевозок. Маршрутные такси, созданные на Горьковском автозаводе, стали чрезвычайно популярными, особенно в провинции, где они практически вытеснили другие виды общественного транспорта.

Начиная с середины 1990-х годов, частные предприниматели начали основывать коммерческие компании, которые стали новыми таксопарками. Возобновили работу диспетчерские службы. Таксометры постепенно утратили свою актуальность из-за дорожных заторов, и цена поездки стала определяться временем, затраченным на дорогу.

***

27 апреля 1989 год.

Дневник 1.

Привет, дневник! Прости, что так редко заглядываю к тебе в гости. Время летит, словно поезд-экспресс, и машинист намеренно не делает остановки, боясь отвлечься от маршрута, погрязнуть в обсуждениях и потрёпанных картах, пропустить нечто важное, ещё невиданное.

В моих личных заметках, в отличие от пустой болтовни, я ощущаю некую силу, способствующую самопознанию. Мне представляется, что к моей уникальной жизни этот анализ добавляет отголоски чужого опыта, давно минувшего и запечатлённого в словах.

Более того, я вижу целый калейдоскоп образов, окружающих меня, осознавая, что я больше не одинок в этом мире. Мои записи становятся мостом к пониманию себя и связи с общим человеческим опытом.

Каждая страница – это зеркало, отражающее не только текущие мысли и чувства, но и более глубокие, часто неосознаваемые стремления и страхи. Перечитывая собственные строки, вижу и осознаю ошибки, которые когда-то казались неизбежными.

Записи не дают заблудиться в иллюзиях или даже обмане, напоминая о том, кто я есть на самом деле и к чему стремлюсь. В них – моя история, мои победы и поражения, мои надежды и разочарования.

И, возможно, самое ценное – это ощущение связи с другими людьми. Осознание того, что мои переживания, мои сомнения и радости не уникальны. Читая чужие истории, я нахожу подтверждение своим чувствам, вдохновение для истории своей…

– Зачем тебе думать о том, что было до нас? – Ксюша устроилась в кресле напротив и с интересом рассматривает меня. – Мы же не перестанем удивляться только потому, что до нас это уже кто-то делал.

Я вздохнул непроизвольно, глубоко. После таких сравнений разбираться в истории особенно приятно.

Ксюша. Как она красива, когда солнце бесшумно касается её щеки. Замираю, любуюсь. Мы сидим друг против друга в её уютной комнате: я – на диване с томиком Дюма-отца, она – на золотистом облаке с милой улыбкой. Снова что-то говорит и машет руками, привлекая внимание, а солнечный зайчик, устроившийся на её щеке, ласкает бархатистую кожу, заставляя розоветь и лучиться.

– Я согласна, есть творцы, которые считают, что всё уже сказано, глядя на нас со своих высоченных пьедесталов. Они уже всему нас научили, ничего не утаив, не приукрасив. Зачем? В чём смысл?

Волнуюсь, набираю в лёгкие воздух, подготавливаю нужные слова. И верно, слова одинаковы для всех! Ими привыкли пользоваться каждый в собственных интересах.

– Но ведь мыслями стоит делиться, – говорю я.

– Делиться? Значит отдавать? Терять, порой не получая ничего взамен. Думаю, лучше продать или отдать в прокат. Вещи ценнее, когда они достались небесплатно. Никто и не вспомнит сказанных в суете слов, пусть и имеющих величайшую ценность для многих.

Я отложил книгу и откинулся назад, вздохнул и развел руками.

– А как же дружеская беседа?

– Чаще всего она похожа на трёп.

– Ага…

– Вот тебе и ага!

– Что ж, давай заберёмся, как Диоген, каждый в свою бочку.

– Тут ты перегибаешь, я лишь говорю, что каждое слово имеет свою цену.

Я слегка нахмурился, словно пытаясь понять, не шутит ли она. В её глазах мелькнуло сомнение, и я понял, что задета какая-то важная для неё тема.

– Ты правда так думаешь? Что каждое слово можно оценить? – удивился я. – А как же любовь? Как же искренность? Они тоже имеют свою цену?

Она задумалась. Этот вопрос застал её врасплох. Мне всегда казалось, что есть вещи, которые невозможно измерить деньгами или выгодой. Любовь, дружба, сострадание – разве это можно купить?

– Я не знаю, – помолчав, ответила она. – Наверное, ты прав. Есть вещи, которые бесценны. Но как отличить настоящую ценность от фальшивой? Как не обмануться?

Я улыбнулся.

– Вот видишь, ты и сама сомневаешься. А сомнение – это уже первый шаг к истине. Нельзя всё воспринимать буквально. Иногда нужно почувствовать.

***

– И что у тебя с работой?

Саня всё так же сидел на своём любимом месте, как и три года назад, только казавшийся раньше огромным подоконник в его комнате теперь смотрелся на фоне его возмужавшей фигуры мелкой скамейкой, сродни той, что используют при прополке огорода.

– Ну и здоров ты, друг, – искренне удивился я, глядя на узкие просветы в когда-то казавшемся мне большим окне в его комнате. – Ты как теперь в лодке помещаешься? Да ещё и с Томом…

– Лодка давно в прошлом. Что я, что Том – в институтах теперь. Секс, наркотики и рок-н-ролл захватили всё наше свободное время.

– Да ладно, чтобы ты, да без спорта? Не поверю.

– Да какой там спорт. Деньги теперь – спорт. Да ещё пожрать найти – спорт. Вот и спрашиваю тебя, что с работой. Хлеб нынче дорог, не говоря о шмотках.

– Это я заметил, пока из германо-белорусского плена возвращался…

– Оставаться тебе в Дойчланде нужно было. Всё-таки теперь это страна победившего капитализма, а у нас теперь – ничего нет: ни армии, ни милиции, ни денег.

– Ну, глядя на тебя, не скажешь так.

– А ты не смотри, если бы не мать, сдохли бы мы все с голоду, ну или я в бандиты пошёл.

– Не, нельзя тебе в бандиты, ты больно крупная мишень.

– Ага, посмейся, посмейся. Слышал я, таксопарки вслед за заводами приватизировали все, на запчасти разобрали да распродали, полгорода на рынках стоит, чем попало торгует.

– Прав ты, не спорю. Я хоть и не разбираюсь ещё пока, что тут у вас и как, в таксопарке был, там теперь всё поделено, люди все новые, бешеные какие-то, еле книжку свою трудовую нашёл. Безработный я теперь. Вот как.

– А я что тебе говорю. Может, связи какие в Германии остались, я бы на твоём месте руки в ноги, паспорт заграничный выправил, да смотался по старым-то следам. Глядишь, и вышло бы чего. Писал ведь я тебе в армию, нечего делать здесь теперь. Да куда там: Ксюшенька ждёт. Писал же…

– Замнём давай для ясности про Ксюшу, самому надо было убедиться.

– Убедился? Кушай теперь с маслом или без.

– Поел уже.

– Ладно. Идеи есть какие?

– В Кокчетав съездить нужно, забрать кое-что.

– Наркота?

– Шмотки.

– Из Кокчетава?

– Из Германии. Взводный там мой живёт. Мерседес домой гнал, пару-тройку сумок моих зацепил. Пока сверчком служил, прикупил кое-чего.

– Фирму нынче страшно волочь. В поезде разденут, недорого возьмут. А то и, гляди, выкинут по дороге. С тобой поеду. Мало ли чего в пути приключиться может. Двое – не один, а то давай и Тома с собой прихватим. Он, правда, учится с ночи до утра, второй курс, говорит, в меде самый трудный.

– Справимся без Тома, да и денег на дорогу не так чтобы вволю.

– Чего привёз-то из-за бугра? Скинуть-то будет чего, или так – сигареты, жвачка?

– Есть кое-что. Помнишь, как мы с тобой видеосалон открыть хотели? Пора деда твоего на телек раскулачивать.

– Видик приволок?! Кассетами можно будет побанчить, у Тома переписывать и в ларёк сдавать. Пару-тройку монет зарубим.

– Видеоплеер у меня, не получится записывать.

– Уф. Видик – уже неплохо. Если ты ещё что-то в этом же духе приволок, то на первое время хватит, ну а потом придумаем.

– Придумаем, на горбу у мамки сидеть не буду.

– Бабу тебе нужно, такую, как Королева. Может, стукнешься к ней как-нибудь. Она тогда в теме была, теперь-то точно в потоке катит.

– С Ксюхой ещё не всё решил, а ты мне – Королева.

– Она с тобой решила всё, ты против фраера её никак не катишь. Поверь, Казанова, никак!

– Ладно, проехали. Ты-то сам как? Художница?

– Замуж её родители выдали. Сразу после школы свадьбу сыграли. Даже не спрашивали толком, видно, так нужен был зять. Видимся время от времени. То да сё. У Тома в меде столько тёлок, живу с одной, Викой зовут. Сама из Тагила, ноги от ушей, попа и грудь такая… мммм. Познакомлю, время будет.

– Ты, как всегда, в своём репертуаре.

– Да не парься, найдём мы тебе кого-нибудь. Ирку недавно видел. Подросла! Нателла о тебе справлялась, позвонишь ей?

– Ты же писал, что она замуж за своего Отелло вышла?

– Как вышла, так и обратно зашла.

– Вот дела. Что за любовь такая? Вышла и зашла?

Глава 7.

В конце 80-х годов на рынке появились газовые баллончики для самозащиты. Продукция сомнительного происхождения, часто польско-турецкая, нелегально продавалась, пугая покупателей надписями о "паралитическом" или даже "нервно-паралитическом" газе.

С середины 90-х, производство газовых баллончиков наладили и в России. Сегодня магазины, торгующие товарами для охоты, предлагают широкий выбор продукции по цене от 1 до 100 «американских рублей». Различия заключаются в концентрации и типе действующего вещества. Это вызывает удивление, ведь для эффективной самообороны важен лишь один параметр – способность нейтрализовать нападающего.

Отзывы потребителей неоднозначны: от жалоб на то, что даже после применения половины баллона агрессор продолжал нападение, до восторженных рассказов о мгновенном обезвреживании противника одним распылением. В любом случае, в настоящее время слезоточивый газ является самым доступным, массовым и недорогим средством самозащиты.

***

10 мая 1989 год.

Дневник 1.

Все праздники провели вместе. Ксюшины родители укатили в отпуск, оставив квартиру в полном нашем распоряжении (Вику в расчет не беру, она тут же испарилась, правда, звонила пару раз). Сидели перед телеком, ходили в кино, оттачивали технику поцелуев. Кроме губ, шеи, груди, отыскалось ещё море неизученных мест, и я с толком воспользовался подаренным мне временем для их досконального изучения.

Иногда мне кажется, что короткая, но очень важная (определяющая) связь с Королевой до сих пор не разрушена. Я каким-то особым умением ощущаю близость этой женщины, словно мы только расстались, и в окружающем меня пространстве ещё присутствует её аура, недосказанность слов, аромат духов. Волшебная память тела.

Что это? Ментальная метка первой близости? Соединение душ, слившихся в скоротечном танце, похожем на физическую химию? Опытная вдумчивость ласк, запретная невидимость отношений, впитанный мною «ритуал» будоражили мысли, заставляя память являть на свет и суд новые и новые порции видений.

Скольжу в тягучей неге изобилия. Но голод не покидает меня. Я чувствую его тут же, как только закрываю за собой дверь Ксюшиного дома. Не обращаю внимания на выпады друзей, на заинтересованные и многообещающие взгляды девиц, и первым говорю открыто:

«Вы видели мою девушку, я не хочу и не могу пробовать что-то стороннее, мы одно целое…»

Вторым не отвечаю вовсе, всё по той же причине.

Первый опыт отношений не оказался отталкивающим или бесполезным. Связь с Королевой подпитывала и меняла мою жизнь, даже теперь. И я благодарен этой женщине за

возможность разглядеть в мутном зеркале собственное лицо, понять важность истинных чувств.

Чем живёт она сейчас, чем дышит, как относится к моему бегству? Хочу ли я это знать? Пока не понимаю…

***

– В Кокчетав во сколько прибываем?

– Сань, ну ты как маленький, третий раз тебе говорю: по расписанию в семь утра должны приехать, а как на самом деле будет, не знаю.

– Вот, вот. Едем уже часов пять, а из области даже не выехали.

Друг повернулся к нашему попутчику (суховатому мужичку лет тридцати-тридцати пяти, одетому по последнему писку рыночной моды).

– Приятель, ты этим маршрутом часто передвигаешься? Тягомотина такая ещё долго продлится?

– Поезд обычный, пассажирский, каждому полустанку кланяется, – голос глухой, ватный, с субтильной внешностью не вяжется. – Тут либо спать сразу вали́ться, либо занятие себе отыскать. Машку-стюардессу за ляжку или в картишки, тихонько, с соседом по копеечке…

Поездки на поезде обладают особым очарованием: мерный перестук колёс, мелькающие за окном картины природы, своеобразный темп передвижения. Но самое важное в подобном путешествии, безусловно, – это люди, оказавшиеся рядом. Если повезёт с компанией, любые трудности будут нипочём. В противном случае – берегитесь.

– Может, сыграем партию в преферанс или сразу в очко? – неуклюже собирая карты в колоду, балагурил Михаил (так он представился) и, театрально изменив позу и голос, закончил анекдот. – Ну в очко-то мы проходили, в преферанс – это куда?

Тут же, откуда ни возьмись, на столике купе появились: шоколад, лимон, балык и, безусловно, коньяк, да не простой «Трёхбочковый клоповик», а именитый француз – в зелёном мутном стекле, с тиснёной на выпуклом боку буквой N.

– Досталось по случаю. Не откажите в компании.

В поездах, особенно в летний период, когда вагоны переполнены отдыхающими, растёт и активность мошенников и воров разных мастей. Это связано с большим количеством потенциальных жертв, теряющих голову в дальней дороге.

Пассажиры, расслабившись после работы и мечтая о курорте, часто демонстрируют признаки достатка, например, дорогие украшения. Они охотно делятся своими планами с незнакомцами, что позволяет злоумышленникам оценить их финансовые возможности. Впоследствии им могут предложить сыграть в карты или просто подержать колоду, чтобы завладеть вниманием и деньгами.

Часто игра начинается с непринужденной беседы, в ходе которой шулеры выведывают информацию о работе, планах и финансовом положении жертвы. Затем им предлагают сыграть в карты, например, в «дурака», или просто подержать колоду, сделать символическую ставку, которая постепенно начинает увеличиваться. Сначала жертве дают выиграть, но затем, если она не остановится, проиграет всё.

Картёжники, называющие себя «форма 36», обычно находятся в тамбурах или вагонах, зачастую без билетов, договорившись с проводниками. Они действуют группами, где один запугивает проводника, другой разыгрывает попутчика, а третий высматривает состоятельных пассажиров.

Эти преступники уверены в себе, зная, что многие проигравшие не обращаются в полицию, стыдясь признать свою глупость. Кроме того, из-за нехватки кадров не каждый поезд сопровождается милицией, хотя на проблемных направлениях, таких как воркутинское, это обязательно.

Для особо недоверчивых пассажиров мошенники используют сильнодействующие препараты, подмешивая их в напитки, предлагаемые «лохопе́там».

– Майкл, – размазав по гладко выбритому лицу невесёлую ухмылку, начал я. – Наверняка, наш с товарищем помятый вид ввёл вас в заблуждение. Пара молодых моржей едет в ночном поезде в сторону столицы травы и пластилина. Поезд, должно быть, прибыльный, ваши товарищи по труду уже при деле, а сами либо примелькались, либо были специально выставлены, ну, не вышло чего-то там. Только вот и здесь не срослось, день, видать, такой…

– Вы, молодые люди, попутали чего-то, – ката́ла поднял вверх руки. – Не хотите играть, вас никто не тянет. Давайте просто выпьем.

– Дозу-то верно рассчитал, Михаил? – продолжил я и, повернувшись к Сане, уже откупорившему пробку с француза, добавил: – Очень бы не хотелось в ящике домой вернуться.

– О чём вы, ребята? Какую дозу…

– Угощаешь? Первые сто пятьдесят – сам, – прервал я его. – Саня, плесни нашему другу на три пальца. Пусть отведает благородного напитка. Ну, чего завис, болезный? Давай! На здоровье!

За закрытой дверью купе вдруг послышался громкий женский голос.

– Угры!

Михаил тут же поднялся, отодвинул дверь и, выглянув на мгновение в проход, повернул ко мне лицо.

– Жаль, фраерок, но времени на базар нет, – и, уже переступая порог купе, добавил: – Молод, но подкован не по годам. Увидимся ещё, бывай.

Катала исчез. Глухо грохнула массивная дверь тамбура, пахнуло смесью креозота, дерьма и табачного дыма – вечных спутников железной дороги.

– Вот это поворот, – отмер друг, так и сидевший у стола с бутылкой в руках. – Это чего сейчас было?

– Потравить нас с тобой хотели, друг, как тараканов и в колодец…

– Как отравить? Кто?

– Джентльмены железнодорожной удачи!

На полном серьёзе ответил я ему и захлопнул дверь купе.

Проспект Владимира Вернадского, в самом начале которого расположилось дряхлое, запылённое здание кокчетавского вокзала, разрезал город на две неравные половинки. Мы с Саней стояли в самом его начале, уставив взгляды в длинную, похожую на взлётную полосу, ленту асфальта, упирающуюся в громоздкий памятник, проявляющийся на фоне покрытого весенней зеленью холма несуразным, инородным пятном.

– Странно, – пробурчал я.

– Странно? – переспросил друг.

– Ага. Проспект имени Вернадского, а памятник поставили Ленину. Оригинально, – и уже прохожему: – Уважаемый, а где у вас посёлок Станционный?

Это был частный сектор. Старые деревянные дома с кривыми заборами и самодельными лавочками, разбитый асфальт, покрытый мхом шифер крыш, кроны плодовых деревьев, запах угля и животных.

– Деревня какая-то, – озираясь, пробурчал друг. – Взводный, правда, здесь живёт? Ты говорил, что он «Мерс» из Германии в кузове грузовика привёз. На «Мерс» можно было хату в Москве купить и ещё на отечественную тачку бы осталось.

– Может, нравится ему здесь.

– Что в этой сральне может нравиться, не понимаю.

– Не гунди, вещи заберём, да в обратный путь тронем, – тут я заметил знакомую вещь в Саниных руках. – Ты всё-таки прихватил сумку.

– А чего, я её в поезде должен был оставить? Этот гопник нас с тобой обобрать хотел, пока мы слюни по подушкам пускали, а могли и ласты завернуть, так это небольшая компенсация.

Он повертел передо мной баул Майкла.

– Два пузыря коньяка, я их осмотрел, пробки целые, видно, для дела прикупили, но не заправили ещё. Банка кофе растворимого, спортивный костюм, не фирма, конечно, но денег стоит. Нож, рубашка, пара кроссовок, да и сама сумка, вот, новая почти.

– Ты не думал, что вещи могут быть краденые? Подрезали у кого, а нас по приметам сумки прихватить могут. И ещё. Проводники с ними в сговоре. Помнишь, баба орала? Машка-стюардесса. Предупредила их о ментах.

– И чего делать?

– Оставим здесь. Взводному. Пусть что хочет, то и делает.

– А если нас на обратном пути поджидать будут?

– Сдались мы им, хотя обратно с хабаром поедем, могут и подождать.

– Вот, вот и я об этом. Может, у командира твоего оружие какое есть? Спросишь?

– У меня в вещах ящик нервнопаралитического газа. Вещь проверенная, оружие НАТО. Немцы в газах шарят, Первую мировую помнишь… Станционная, 26. Мы пришли.

Глава 8.

Кажется, отгремели времена шумных вокзалов, уставленных клетчатыми сумками, отступили в прошлое грязные рынки и бесконечные поездки «челноков». В памяти остались лишь отголоски той эпохи.

Крах Советского Союза повлек за собой перестройку привычного уклада жизни. Закрытие предприятий, скачки цен, дефицит товаров стали обыденностью. Многие лишились работы или столкнулись с задержками зарплат. Обесценивание денег вынуждало людей экономить на всем. В этих условиях государство приняло указ о свободе торговли, разрешив торговлю частным лицам практически везде. Тысячи людей вышли на улицы в поисках заработка.

Вооружившись огромными баулами, предприниматели отправлялись за кордон. Закон позволял физическим лицам ввозить в Россию товары на сумму до пяти тысяч долларов. Это стало настоящим спасением для многих, кто потерял работу в условиях разваливающейся отечественной промышленности и растущего потребительского спроса. В народе их прозвали «челноками».

Первые «челноки» ездили в одиночку, привозя ширпотреб: одежду, обувь, косметику, ткани, технику. Основными поставщиками были Польша, Турция и Китай.

«Челночный» бизнес был опасным и криминализированным. За «челноками» следили организованные преступные группировки. Стать жертвой бандитов можно было где угодно. Грабители требовали дань, угрожали, портили товар. Случались избиения и даже убийства.

***

1 июля 1989 год.

Дневник 1.

Я в отпуске. Причём свобода полная: вчера сдал последний экзамен и перешёл на третий курс. Оборотный склад, устами начальства, напутствовал лаконично, но как всегда ярко:

*"Пи**уй уже, студент, отпуск – время святое!"*

Ощущение странное. Мир вокруг меня замер. Впервые за два года я предоставлен самому себе.

Сегодня проснулся рано (сказывается впитанный за долгое время режим), лежу, боюсь шевелиться, прислушиваюсь к дыханию родителей и брата. Забытое ощущение, когда тебе никуда не надо. Я в клетке, запаян в узкую капсулу, мне нечем дышать. План побега рождается тут же.

Выныриваю из одеяльно-подушечного кокона, натягиваю спортивный костюм, крадусь к выходу.

Двор встречает меня утренней прохладой и ало-розовым рассветным месивом, бурлящим в полумраке ещё не очнувшегося после сна неба. В его пробуждающейся глубине рождалось чудо – могучее космическое светило готовилось явить миру свой яркий и жизнеутверждающий лик.

Мы снова были вместе: вдыхающий полной грудью влажный городской воздух наездник и легкий алюминиевый конь, застоявшийся в узком пыльном стойле дворового сарая.

Дорога оказалась свободной, голова наполнилась весёлым ветром, бликами окон мелькающих кварталов, искрами ранней росы, сверкающей на глади зелёных газонов, и щебетом птах, поднятых ввысь какой-то их птичьей надобностью. И я стал подниматься с ними, выше и выше, ускоряя ход, покоряя пространство и время.

***

– Блин, хе́*а их сколько!

– Кого?

– Да несунов этих грёбанных – сумочников. Торгашей-коммерсантов, что дерьмо всякое из Китая тянут. Скоро, в кого ни плюнь, на рынке в рядах стоять будут, друг другу дерьмо впаривать. Предприятия-то все позакрывали, а людям куда податься…

Саня опустил на грязный вокзальный пол огромный баул, размерами если и уступающий его натренированному греблей телу, то немногим, и тут же повалился на него, укладываясь спиной.

– Ставь сумки. Тут точно нет ничего хрупкого? Одни шмотки?

– Одежда, да так, кое-что по мелочи. Пойду за билетами. Спи спокойно, до поезда ещё есть время.

– Ты точно в порядке? Коньяк с нами пить не стал, но травы столько вдохнул, что я бояться за поезд начал. Ха-ха поймаешь и жор нападёт. Куда ломиться будем? В вагоне как в подводной лодке, хорошо, хоть стоп-кран есть.

– Не боись, дружище, солдат проводницу не обидит.

– Смотря как просить будет, взводный мне рассказал, как вы немок через забор перекидывали, а немки, я тебе скажу, любить умеют!

– Ja, ja, natürlich! В тематике секса разбираются. Я в "Спид-инфо" читал, там о немках много чего написано.

– Не ссать, солдат, прорвёмся…

Было легко и весело. От пьяного и по-доброму тёплого приёма в доме у командира, от сытного и очень вкусного обеда, от разговора о прошедшей службе и моих приключениях в Слонимской гарнизонной гауптвахте и от пахучей травы, добротно «забитой» в папиросы «Беломорканал».

– Куда едем, молодой человек? – кассирша.

– Э! Домой, – я.

– А конкретнее?

– В Россию, домой.

– Направление понятно, с точкой приземления не совсем…

– Двое нас. Я и мальчонка со мной, сирота. Хи…

– Два билета значит?

– Два…

– Едем куда? Видно, что не местные. Соседи?

– Точно, – улыбаюсь.

– До Номска два? Или в область, – отворачивается, что-то пишет.

– Один до, один в область… Хи…

– В область куда? – пишет, голову не поднимает.

– Хи… Варианты?

– Исилькуль, Русская Поляна?

– Мля!!! Русская Поляна! Без вариантов!

– Тридцать шесть тенге.

– Белорусскими зайцами берёте?

– Ужалился, отвали и не отсвечивай. Бабки клади, билеты вот.

Кассирша, подняв глаза от бумаг на столе, упёрла в моё лицо презрительный и строгий взгляд.

– Вот полтинник, сдачи не нужно.

Вокруг толпа. На полу, у стен, в проходах, прямо на тюках с товаром, друг на друге – печальная доля целого поколения. Жители некогда могущественной державы – инженеры, учителя, рабочие, потерявшие работу, вынуждены искать способы прокормиться и занялись торговлей – единственным доступным способом выживания.

"Челнок" – свежий термин, отражающий необычный социально-экономический феномен. Люди ринулись в область, представлявшую собой возвращение к забытому со времен "мешочников" ремеслу, прежде строго запрещенному под видом "спекуляции" – к свободной торговле. Под видом туристов они посещали за границей не памятники культуры, а оптовые рынки, а затем проводили дни и ночи на вокзалах и платформах, в вагонах поездов и автобусах, устраиваясь на отдых прямо на добытых потом и кровью товарах.

– Друг, подъём. Поезд будет через двадцать минут. Стоянка короткая, как стояк у начальника штаба. Билеты я взял, держи, спрячь у себя, пусть у тебя побудут, чёт я к себе сегодня без доверия.

– Дурь местная крепкая, не то, что у нас. Пока доберётся, пару-тройку раз подмешают чабрец.

– Почему чабрец?

– Том говорит, по структуре подходит.

– Специалист.

Вагон плацкартный, но на удивление чистый.

– Сань, смотри какая грудь у стюардессы! Размер четвёртый-пятый, тебе точно понравится.

– Да и остальное тоже ничего, старовата немного, но нам её на дискач не вести. Сойдёт! Подкатишь к ней попозже, вспомнишь молодость. Казанова ты или погулять вышел?

– Ага, на три года почти выходил, чуть дверцу не прикрыли, пока гулял.

– Только такие тётеньки просто так не откликаются. Бабло-то осталось? Пива, может, в банках прикупим?

– Денег нет, но думаю, что это не проблема. Кое-что есть в рундуках. Главное, чтобы вагон-ресторан работал и в нём пиво водилось.

– Так ты, что, правда крепкое не пьёшь? Что же с тобой в Дойче такого случилось, курить начал, а пить бросил.

– Не что, а кто!

– Как это?

– Случился со мной капитан Кушмунс – ротный наш. Мастер спорта по пятиборью и знатный экстрасенс!

– Закодировал, что ли? Как Кашпировский Чумака?

– Ага, закодировал. Аккурат на моё двадцатилетие. Ударом в солнечное сплетение. Три дня блевал, думал, сдохну.

– Ни хрена себе!

– Вот-вот, теперь только запах спирта уловлю, тут же дурнота накатывает, аж дышать трудно.

– Полезное умение у человека, такой сейчас нигде не пропадёт.

Устроились хорошо, полки достались обе нижние, и баулы мои разместились комфортно, заняв служебное купе проводников (за небольшой презент – баллончик с нервнопаралитическим газом), выданный стюардессе Алёне с пятым размером грудной клетки.

За пивом идти не пришлось, целый ящик нам доставили «на дом» (спасибо Алёне за рекламу) в обмен всё на тот же жутко контрабандный, сверхдефицитный и «убойно-паралитический» товар, так удачно выторгованный мной у знакомого поляка в далёкой и ныне единой Германии.

Знакомство отметили старинным тостом за прекрасную и присутствующую здесь даму, долгим поцелуем а-ля «Брудершафт» (Саня к трепетным проводницким устам приложился дважды). Поезд резко тронулся, постепенно набирая ход и унося нас в такое далёкое, но безусловно светлое будущее.

Глава 9.

Девушки, которых мы обнимали,

с которыми мы спали,

приятели, с которыми мы пили,

родственники, которые нас кормили и все покупали,

братья и сестры, которых мы так любили,

знакомые, случайные соседи этажом выше,

наши однокашники, наши учителя, – да, все вместе, —

почему я их больше не вижу,

куда они все исчезли.

Приближается осень, какая по счету, приближается осень,

новая осень незнакомо шумит в листьях,

вот опять предо мною проезжают, проходят ночью,

в белом свете дня красные, неизвестные мне лица.

Неужели все они мертвы, неужели это правда,

каждый, который любил меня, обнимал, так смеялся,

неужели я не услышу издали крик брата,

неужели они ушли,

а я остался.

Здесь, один, между старых и новых улиц,

прохожу один, никого не встречаю больше,

мне нельзя входить, чистеньких лестниц узость

и чужие квартиры звонят над моей болью.

Ну, звени, звени, новая жизнь, над моим плачем,

к новым, каким по счету, любовям привыкать, к потерям,

к незнакомым лицам, к чужому шуму и к новым платьям,

ну, звени, звени, закрывай предо мною двери.

Ну, шуми надо мной, своим новым, широким флангом,

тарахти подо мной, отражай мою тень

своим камнем твердым,

светлым камнем своим маячь из мрака,

оставляя меня, оставляя меня

моим мертвым.

Иосиф Бродский -

Июльское интермеццо

1961
*****
31 июля 1989 год.
Дневник 1.
Под защитой тента, натянутого от хлынувшего ливня, с аппетитом поглощаем салат из свежих каракольских овощей и припасенный шашлык. Изрядно утомленные, но полные приятных впечатлений, отправляемся на ночлег. Утром нас ждет первая на маршруте обширная долина.

Наш трек проходит в горах Тянь-Шаня, по хребту Терской Ала-Тоо, который окаймляет с южной стороны котловину высокогорного озера Иссык-Куль. Местные жители называют этот хребет "Разноцветные горы, отвернувшиеся от солнца". Золотистые и багряные скалы, освещенные солнцем, создают великолепную палитру. Дополняют эту красоту синие оттенки величественных елей, покрывающих горные склоны, и зелень альпийских лугов.

Начался один из самых запоминающихся моих походов. "Красивее Киргизии гор не видел!" Хотя сравнивать природные красоты – задача сложная, теперь и я могу подтвердить: горы здесь потрясающе живописны!

День 1. Авиаперелет в Алма-Ату, затем во Фрунзе.

Ранний вылет. Из аэропорта Фрунзе мы на ГАЗ-66 едем к ущелью Джеты-Огуз, простирающемуся на 40 км вдоль склонов хребта Терской Ала-Тоо. "Джеты-Огуз" с киргизского переводится как "Семь быков".

Долго продвигаемся вдоль горной реки, наслаждаясь видами склонов, поросших густыми зарослями огромных тянь-шанских елей. Постепенно узкое ущелье расширяется и переходит в прекрасную долину Кёк-Джайык ("Цветочная поляна"). Перед нами открывается впечатляющая панорама многокилометровой Джеты-Огузской стены и живописнейшей вершины Огуз-Баши ("Голова быка") высотой 5168 м. Разбиваем лагерь на поляне Кёк-Джайык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.